

СКАЗКИ
И
ИСТОРИИ

МЛЖС
ФРАИ

СКАЗКИ
И
ИСТОРИИ

МОСКВА
Издательство АСТ

УДК 821.161.1-3
ББК 84(2Рос=Рус)6
Ф82

Книга публикуется в авторской редакции

Ф82 **Сказки и истории** / Макс Фрай. — Москва :
Издательство АСТ, 2017. — 448 с. — (Миры Макса
Фрая).

ISBN 978-5-17-103569-3

Эта книга — самый первый сборник короткой прозы Макса Фрая. Кроме собственно сказок и историй, в нее вошли литературные игры, эссе, заметки, воспоминания, практические советы начинающим демиургам и настолько вопиющие непристойности, что впору ставить пометку о возрастном ограничении 300+. Но пока ее никто не догадался поставить, вполне можно успеть быстренько прочитать.

УДК 821.161.1-3
ББК 84(2Рос=Рус)6

ISBN 978-5-17-103569-3

© Макс Фрай, текст
© ООО «Издательство АСТ», 2017

МИФЛОЖКИ

Оба шута: и Пьеро, весь в посеревшей за день пудре, в синяках от Арлекиновой палки, и сам Арлекин, чей рот перекошен от каждодневных гримас, ладони цветут экземой, а кровь отравлена собственным сарказмом, — возносят по вечерам благодарственную молитву.

— Господи! — говорят они тайным дуэтом (каждый у себя, наедине с собою и сам за себя, но одновременно). — Спасибо тебе, Господи, — твердят они, — что не сотворил меня душой Коломбиной, у которой нет иной печали, кроме как сделать наконец выбор между двумя никчемными шутами, Пьеро и Арлекином.

* * *

Орфей, совершив невозможное, спустившись живым в Аид, обнаруживает там Эвридику, вполне довольную загробной жизнью. Она тут популярна, многие мертвые дамы набиваются ей в подружки, а мертвые мужчины мечтают стать ее бойфрендами. Она не спешит, выбирает. У нее уже неплохая работа, и обещают, что скоро будет лучше. По ночам она с компанией объезжает лучшие ночные клубы Аида, по утрам пьет черный подземный кофе и трескает

Мифоложки

клубнику со сливками из ближайшего адского супермаркета. У нее, словом, все хорошо. И да. Она уже давно забыла, что это — загробный мир. Поначалу помнила, но вот, замоталась, закрутилась, клубнички покушала — и забыла. Так в мире мертвых почти всегда случается.

Ну и, ясен пень, когда Орфей объявляет: «Я сейчас уведу тебя в мир живых», — прекрасная Эвридика крутит пальцем у виска. «Псих ненормальный. Эскапист», — говорит.

И Орфей сидит как дурак на адской табуретке в подземной кухне своей мертвой возлюбленной, пьет кофе, песен не поет (соседи потому что за тонкой адской стеной), а потом встает и уходит — как дурак, опять же. А что делать?

Так разбиваются сердца.

* * *

Одиссей, движимый не то чувством долга, не то обычной сентиментальностью, наконец возвращается в Итаку. Ступив на берег, с тоскливым отворачиванием оглядывается по сторонам. Он и забыл, какая жухлая трава на этом побережье.

Дело не в том, что Итака такое уж паршивое место. Вовсе не паршивое. Просто того человека, который царствовал на этом островке и любил Пенелопу, давным-давно нет. А новый, возмужавший и умудренный странствиями-мытарствами, побывавший в подземном царстве, слышавший сирен и говоривший тет-а-тет с самой Афиной, понятия не имеет, как и зачем можно жить в Итаке, каждый день ходить на службу, работать

Мифоложки

тутошним царем без выходных и праздников, без особых надежд на государственный переворот даже.

Под покровом ночи он пробирается в свой дворец, прикинувшись тенью умершего, называет Пенелопе имя наиболее достойного из женихов. Замирает на пороге комнаты сына, чешет в затылке, понимает: «Мне нечего ему сказать», — и возвращается в лодку, где его уже ждут хатифнатты.

У них есть Барометр.

* * *

...Буратино проводит ночь на дереве, повешенный вниз головой, связанный по рукам и ногам мнимыми разбойниками.

Алиса, Базилио — кто они на самом деле?

Хороший, очень хороший вопрос.

Трудно не предположить, что лиса родом из Поднебесной; возможно, демонстрируя всем желающим свой рыжий хвост, она скрывает под лохмотьями нищенки еще девятьсот девяносто девять.

Кот, вероятно, законный наследник древних египетских мистерий. В сущности, происхождение кота мало что меняет.

Черный пудель Артамон, снявший Буратино с Древа, отлично дополняет картину, и без того вполне зловещую.

Дальнейшие события вполне закономерны. Изучение грамоты (уж не Каббалы ли?) начинается с магического перевертыша *арозаупаланалапуазора*, и продолжается в темном подвале с пауками. Ясно,

Мифоложки

что дело вовсе не в провинности ученика, просто некоторые формулы нельзя заучивать при солнечном свете. Это, надеюсь, понятно.

Ритуальное захоронение монет ночью на пустыре, объявленном Полем Чудес, да еще и в Стране Дураков, под руководством все тех же Алисы и Базилио — расставание с имуществом во имя обещанного чуда. В тайных братствах такое практикуется. Только после этого становится возможна встреча с Черепахой и обретение Ключа.

Как во всякой хорошей истории о Пути, ключ приходит прежде знания о том, как им воспользоваться. Знание это приходится добывать самому, с трудом и риском, ибо тайной владеют враждебные жрецы: экстатический кукольник и дотошный знахарь. С самого начала ясно, что Ключа им не видать, как своих ушей. Такова, увы, участь всех теоретиков.

Наконец знание о Ключе обретено. Как водится, оно обескураживает героя: оказывается, волшебная дверь в неизвестное была у него под носом с самого начала; путь за Ключом и знанием о Ключе уводил странника все дальше от Двери. Теперь пора возвращаться.

Финал известен всем, но полностью понятен лишь немногим посвященным в Мистерии Буратино. Дверь благополучно открыта; что за ней — иное измерение, иная жизнь, лишь на первый взгляд похожая на осуществление былых желаний?

Мы можем лишь предполагать, но и этого достаточно.

Мифоложки

Историй, кажется, даже не четыре, а всего одна. История о долгом поиске Двери, которая с самого начала была совсем рядом, на расстоянии вытянутого носа. С точки зрения пристрастного (очень пристрастного) читателя, конечно.

Конечно.

* * *

Икар, вопреки слухам, не разбился, а был спасен небольшим отрядом крылатых дев, судя поговору, чужестранок. Их тронуло его щенячье мужество, насмешили искусственные крылья.

Одна из дев взяла Икара к себе жить; вскоре он привязался к спасительнице так, что прощал ей даже свое исковерканное имя: она почему-то не могла выговаривать «Икар» и называла его Карлом — так ей было привычнее. Зато летать в объятиях возлюбленной оказалось куда комфортнее, чем при помощи громоздких крыльев отцовского производства. Рядом с нею Карл (Икар) был совершенно уверен, что однажды долетит до солнца: не сегодня, так завтра. Или через год. Какая разница?

С Дедалом Икар (Карл) больше не встречался и даже не писал: знал, что отец начнет скандалить, до конца жизни будет упрекать за нарушение инструкции, а семейных сцен он терпеть не мог.

Зато с валькирией Скегуль они жили душа в душу; их союз не омрачило даже рождение сына, который вопреки тайным надеждам матери пошел в отцовскую

Мифоложки

породу: родился бескрылым. Все же она любила и баловала сынишку, хоть и стыдилась немного его «инвалидности».

Когда мальчик подростом, выяснилось, что он удался не столько даже в отца, сколько в деда: с утра до ночи возился с какими-то хитроумными механизмами. Изобретал летательный аппарат. Сперва это было невинной игрой, но с годами, когда сын крылатой девы и Карла-Икара окончательно повзрослел, стало настоящей страстью.

Взглянув на результат его многолетних трудов, мать пришла в ужас: накладные крылья мужа в свое время ее умилили, но это новое искусственное приспособление для полетов показалось ей кощунством, уродством и убожеством.

Устав спорить с матерью, сын ушел из дома, поселился в крошечной мансарде, арендованной за смешные деньги, благо хозяин дома уже отчаялся найти жильца для этого «скворечника». Жил не тужил, был сам себе хозяин, спал до полудня, варил какао на маленькой плитке, много гулял, по вечерам всласть возился со своими железками. Чем не житье для мужчины в самом расцвете сил?

— С крыльями любой дурак летать может. А вот ты попробуй как я полетай, — добродушно ворчал сын Карла и валькирии, прилаживая моторчик к своему пропеллеру.

Он решил, что надо бы все-таки навестить родителей и заранее репетировал будущий спор с матерью.

Мифоложки

* * *

Она с отвращением глядит на собственное отражение. Моргает спросонок, щурится близоруко, но и без того все очень хорошо видно. Слишком хорошо.

«Ужас, — думает. — Нет, ну действительно ужас! Мешки под глазами, хуже, чем у мамы. Побродок — да, я давно подозревала, что он двойной, но он же тройной на самом деле! Жирная стала свинья, тошно-то как! А цвет лица... Нет, это не цвет лица уже, это цвет мочи Химеры — в лучшем случае. Ничего удивительного: когда я в последний раз спала по-человечески? То-то же... А волосы, волосы как свалялись! Это уже не просто космы, это же змеи натуральные. Того гляди зашипят...»

«Все бы ничего, — думает она, — но юноша этот красивый, совершенно в моем вкусе, он же тоже меня видит. Такой, какая есть, а есть — хуже не бывает. Он зачем-то ведь шел сюда, на край света — специально ко мне, так, что ли? Наслушался историй о моей былой красоте, собрался, да и пошел, так бывает с юношами. Ну вот, пришел, поглядел. Бедный. А я-то, я-то какая бедная!»

Лицо юноши, вполне бесстрастное и сосредоточенное, если приглядеться повнимательнее, все же выражает не то страх, не то отвращение. «Скорее второе, — говорит себе она. — С чего бы ему меня бояться? Просто противно, да. Мне бы тоже было противно

Мифоложки

на его месте... да мне и на своем месте противно. А стыдно, стыдно-то как! В таком виде предстать перед незнакомцем... А он же еще, небось, видел, как я сплю. На земле, враскоряку, раскинув дряблые ноги... Умереть от стыда можно! И, честно говоря, нужно. Что мне еще теперь остается?»

И она умирает от стыда. Сказано — сделано.

Персей так толком и не понял, почему зеркальный щит произвел на Медузу столь сокрушительное воздействие. Но на войне важен результат, а понимание — дело десятое. Так он тогда, по молодости, думал.

«Красивая какая, — с сожалением вздыхал Персей, отделяя все еще полезную голову Медузы от ненужного больше туловища. — Жалко ее».

* * *

Мучительно хотелось меду. Так нужен был ему мед — хоть плачь.

Но он не плакал, конечно же. Он летел, все выше и выше, стремительно приближался к древесной кроне, почти бесконечно далекой от земли. Бормотал под нос: «Я тучка, тучка, тучка, а вовсе не медведь...»

Он, конечно, не был тучей, да и медведем, строго говоря, не был. Но полет должен сопровождаться песней, хоть какой-нибудь — так ему тогда казалось. Вот и напевал свою кричалку-сопелку за неимением луч-

Мифоложки

шего. Получалось не слишком складно — ну да, с чего бы ему вдруг заговорить складно? Меда-то как не было, так и нет.

Он поднимался все выше и выше. В какой-то момент ему показалось, что предприятие на сей раз вполне может увенчаться успехом, но нет. Опять ничего не вышло. Его заметили, узнали, ему дали отпор, как всегда.

Как всегда.

Падение было не столько болезненным, сколько унижительным. Благоуханный мед по-прежнему оставался недоступным.

В тот день Один окончательно убедился, что украсть, или взять силой Мед Поэзии не получится. Раздал воздушные шарики валькириям и пошел договариваться о честном обмене.

* * *

Прежде, чем прыгнуть со скалы, Сфинкс шепчет на ухо Эдипу еще несколько слов. Эдип слышит его последнюю загадку вполне отчетливо, но ничего не понимает. Он ошарашенно качает головой, пожимает плечами и идет в Фивы — царствовать.

Время не стоит на месте. Эдип царствует, фиванцы млеют под жесткой его дланью, супруга Иокаста окружает Эдипа воистину материнской заботой и исправно рождает ему детей. Все у них в порядке. Но царственное